

Новгородские служилые люди в лагере Сигизмунда III под Смоленском

А.А. Селин

Осада Смоленска королем Речи Посполитой Сигизмундом III одним из следствий имела кратковременное перенесение центра власти Московского государства именно в королевский лагерь. Осенью — зимой 1610/1611 гг. в ставке Сигизмунда под Смоленском оказалось большое число представителей разных слоев московского служилого люда, что, в свою очередь, дало импульс к беспрецедентному по интенсивности и непосредственному знакомству с польской и литовской культурами¹. Потенциал таких взаимоотношений был велик и далеко не полностью реализован в начале XVII в.

Традиционно объектом внимания исследователей оказывались знатные пленники короля и участники посольств в королевский лагерь. Известно, что интернированный по приказу Сигизмунда Филарет Романов, вернувшись в Москву в 1619 г., сохранил крайне негативное отношение к Польше, что имело важные последствия не только для позднейшей политики Москвы, но и для особого обскурантского отношения по отношению ко всему польскому и, шире, католическому в Москве 1619—1633 гг. Впрочем, известно, что очень многие другие москвичи, посетившие королевский лагерь (как оставшиеся подданными Сигизмунда, так и вернувшиеся в Москву) активно воспринимали многие черты польской повседневной культуры. Среди них самой яркой фигурой, пожалуй, был дьяк Иван Грамотин, оказавшийся в Москве в 1614 г. как посланный короля. Он вскоре вернулся на приказную службу, а после смерти дьяка Петра Третьякова возглавил Посольский приказ².

Среди посетивших королевский лагерь под Смоленском было много деятелей второго ряда, однако, весьма заметных в новгородской политической жизни начала XVII в. Например, Матвей Большой Львов, занимавший воеводские посты в 1611—1614 гг., Богдан Дубровский, новгородский гонец в 1513 г., доставивший в Новгород известия о воцарении Михаила Романова, а позднее активный участник переговоров на Песках и в Столбове, Мурат Пересветов, ростовский дворянин, бежавший в шведский лагерь в 1613 г. под Тихвином и оставшийся после 1617 г. подданным короля Густава Адольфа. К деятелям более высокого ранга, чья карьера началась в Новгородской земле, относятся Лев Плещеев, кравчий царя Владислава, и Андрей Палицын, герой обороны Рамышевского острога³.

Источники, повествующие о людях, оказавшихся в королевском лагере, опубликованы в XIX — начале XX в., но пока мало изучены: это записная книга жалованных грамот короля различным служилым людям (опубликована императорской Археографической комиссией), выдержки из книги расходов, представленной великим коронным подскарбием Станиславом Варшицким Варшавскому сейму 1611 г. (опубликованы в 1912 г. Д. Цветаевым)⁴, где указаны расходы на пленных и интернированных, в том числе и на новгородцев.

Эти и другие источники позволяют установить время и обстоятельства особой миссии, посланной из Новгорода Иваном Салтыковым к королю под Смоленск с известием о том, что город целовал крест царю Владиславу. Полагаю, часть новгородцев, получивших пожалования, оказались под Смоленском в составе этой миссии. Одним из ее членов был пришедший вместе с Салтыковым в Новгород осенью 1610 г. Яков Авксентьевич Дашков. 23 ноября 1610 г. он вместе с подьячим Василием Бехтеевым получил из новгородского винного погреба ведро вина «для литовские посылки». 3 января 1611 г. они были пожало-

ваны королем под Смоленском⁵. 18 декабря 1610 г. полведра вина получила София, жена Якова Дашкова, «для болезни», видимо, оставленная мужем в Новгороде. Еще ведро вина Яков Дашков получил, вернувшись в Новгород 31 января 1611 г.

Источники позволяют определить четыре основных канала попадания новгородцев в лагерь под Смоленском: 1) плен в сражениях 1610 г.; 2) участие в посольстве из Тушина февраля 1610 г. (посольство М.Г. Салтыкова); 3) участие в посольстве лета 1610 г. (посольство патриарха Филарета); 4) посольство новгородцев осени 1610 г. Среди новгородцев, оказавшихся в королевском стане под Смоленском, — видные деятели позднейшей истории Новгорода Смутного времени. Вот что можно сказать о них.

Среди плененных поляками в 1610 г. служилых людей Северо-Запада в первую очередь назовем Богдана Дубровского. Он оказался в стане короля Сигизмунда под Смоленском в июле 1610 г. и там получил подтверждение на свои поместья в Болонском погосте Бежецкой пятины; вновь бил челом о пожаловании дворцовой деревни Углы в Струпинском погосте⁶. Примечательно, что в документах сентября 1610 г. Дубровский назван представителем Шелонской пятины в посольстве князя Василия Голицына, отправленном из Москвы к королю под Смоленск⁷. По польским же источникам, Богдан Дубровский был среди трех новгородцев (другие два — Роман Неелов и Угрим Львов), сдавшихся вместе с князем Ф.А. Елецким под Царевым Займищем и 20 июля 1610 г. получивших общее вспомоществование в 400 флоринов⁸ (с ними же был торопчанин Тимофей Веригин). 25 июля 1610 г. 150 флоринов получил наместник («palatino») Иосифо-Волоцкого монастыря князь Михайло Белосельский, также новгородец⁹. 20 декабря 1610 г. Б. Дубровский вместе с братом Тихоном получил еще одно пожалование от короля Сигизмунда. Король пожаловал «*новгородцу Тихону и Богдану Миничом Дубровским... в Шелонской пятине сельцом Подгощем с деревнями, сельцом Скорыни с деревнями*»¹⁰.

Уже во второй половине 1611 г. Богдан Дубровский вновь оказался в Новгороде. Как и при каких обстоятельствах он вернулся в город в этот богатый событиями год, пока неясно. С конца сентября 1612 г. начался новый важный этап его карьеры. В дни контактов между новгородским правительством и лидерами ополчения, стоявшего у московского Кремля, он неоднократно служил гонцом от новгородского правительства к московским боярам. 27 сентября 1612 г. Дубровский расписался в получении 20 рублей, выданных ему на подмогу для поездки в Москву с посланием к боярам и ко «Всея земле»¹¹. 6 октября 1612 г. он привез в Новгород ответ из-под Москвы¹². Вскоре Дубровскому пришлось вновь вернуться под Москву, и 15 ноября 1612 г. он был послан в Новгород с отпиской к митрополиту Исидору об одобрении кандидатуры шведского королевича¹³.

В середине декабря он снова в Москве, откуда вернулся в Новгород 18/19 января 1613 г.¹⁴ Приезд Дубровского из Новгорода в Москву отмечен в Новом летописце: Дубровский от имени Делагарди уверял, что королевич Карл Филипп уже идет в Новгород, но получил отповедь от собравшихся на избирательный собор¹⁵. Это известие впервые было исследовано Н.И. Костомаровым¹⁶, затем об этом эпизоде карьеры Дубровского упоминают все исследователи Смуты. По сообщению Юхана Видекинда, Богдан Дубровский убеждал москвичей, что Карл Филипп уже близко, но те уже замыслили отказаться от шведской кандидатуры¹⁷. Известия, привезенные Дубровским в Новгород, стали толчком для принятия многих политических решений. В частности, определилось отношение шведской власти к избранному царю Михаилу. Сам Богдан Дубровский был определен на службу в дворцовые Коростынские села¹⁸. 14 июня 1614 г. он под Бронницами выехал из полка С. Коброна за Мсту, в войско кн. Д.Т. Трубецкого.

Этот переход определил дальнейшую службу Богдана Дубровского. Его можно видеть среди самых активных участников переговорного процесса между Москвой и шведской администрацией Новгорода, сперва в Песках (т.н. Дедеринские переговоры), а позднее в Столбове. В 1617 г. Богдан Дубровский вернулся в Новгород вместе с московскими послами и продолжил службу в городе. В 1618 г. он упоминается как стрелецкий голова во Пскове, участник переговоров с фельдмаршалом К.К. Юлленгельмом¹⁹. В годы Смоленской войны он был оставлен в Москве²⁰. Дальнейшая служба Дубровского на несколько лет связана с дипломатическим поприщем. В начале сентября 1639 г. он был отправлен в Молдавию для расследования дела о происхождении, планах и целях «Лжешуйского»²¹. В апреле 1643 г. Богдан Дубровский был пожалован в думные дворяне и казначеи²². В чине казначея и наместника кадомского Богдан Дубровский участвовал в посольстве кн. А.Н. Трубецкого и Г.Г. Пушкина в Швецию в 1647 г.²³ Последние годы жизни Богдан Дубровский продолжает службу в Казенном приказе, занимая должность казначея до 1659/60 г. Согласно Русскому биографическому словарю, он скончался в 1662 г. Если по косвенным данным определять дату его рождения, то она должна приходиться приблизительно на 1585 г. Таким образом, заключительные этапы его карьеры должны были протекать уже в почтенном возрасте 75–80 лет.

Другим видным новгородцем, оказавшимся в королевском стане, был Матвей Большой Семенов сын Львов. Уже упомянутые польские источники не называют Матвея Львова среди пленных, но вероятно, что именно в таком качестве он оказался под Смоленском в лагере Сигизмунда III уже в середине августа 1610 г. 15 августа 1610 г. названный дворянином Матвей Львов получил в королевском лагере под Смоленском грамоту «*на отчизны и поместья его, деревню Лонно Меньшое, Глинско, полдеревни Горки*»²⁴. Впервые имя Матвея Львова встречается в кабальных книгах 1602/03 г., когда он записал за себя холопа в Шелонской пятине вместе со своими четырьмя братьями (он был третьим по порядку рождения). Видимо, в то время все пять братьев жили в поместье своего отца Семена Львова. К 1602 г. известно о службе только одного из братьев Львовых, Первого (городовой сын боярский с окладом в 250 четвертей²⁵). Скорее всего, тогда ни один из его младших братьев еще не достиг 15-летнего возраста (десятни 1605 г. по Шелонской пятине не обнаружено, и время верстания тамошних помещиков неизвестно)²⁶. Получается, что в августе 1610 г. Матвею Львову было, скорее всего, менее 22 лет.

После получения королевского пожалования под Смоленском, к январю 1611 г. Матвей Львов оказался в Новгороде, где и добился отдела себе поместья по королевской грамоте²⁷. 25 декабря 1611 г. он в числе прочих новгородцев подписал приговор об отправке в Швецию посольства для предложения Российского престола одному из шведских принцев²⁸. После этого Матвей Львов служил на воеводских должностях, особенно интенсивно — в 1612–1613 гг. Между 6 и 23 января 1612 г. он был назначен воеводой на стан в Югостицы в полк Коброна, сменив там Воина Новокщенова²⁹ 9 февраля 1612 г. Матвей Львов написал боярам в ответ на указ собираться в поход с Коброном и идти «*на врагов на литовских людей и промышляти вместе за один сколько милосердый Бог помощи даст*», просьбу идти к Старой Руссе через Новгород, так как ратные люди «*наги и голодны*»³⁰. В марте 1612 г. Матвей Львов вместе с полком Коброна был послан на литовских людей, стоявших неподалеку от Новгорода. По всей вероятности, в этом походе Львов служил головой, так как получил тогда же от бояр распоряжение оставить на стану в Югостицах для кормового сбора детей боярских и дальше распоряжаться военно-хозяйственным обеспечением Кобронова полка³¹. В июле 1613 г. он служил вторым воеводой в

Порхове вместе с И.И. Крюковым³². Последнее упоминание о Матвее Львове относится к 14 апреля 1615 г., пятнице на Святой неделе, вскоре после установленного Горном срока новгородцам на размышление о том, присягать ли Густаву Адольфу. В этот день Матвей Львов поручился «по новгородце» Никите Федорове Супоневе³³. Вскоре, видимо, воевода скончался, как раз тогда Москва и Делагарди уже начинали определять, на каких условиях будет заключен мир.

Еще один видный новгородец, оказавшийся в стане короля Сигизмунда III — это Венедикт Васильев сын Хомутов, из рода новгородцев Хомутовых, о котором писалось ранее³⁴. Венедикт Хомутов известен с конца XVI в. 20 августа 1599 г. с ним была послана грамота из Посольского приказа в Ивангород³⁵. В это время он был очень молодым; в документах 1603/04 и 1605 гг. он назван служилым новиком³⁶. В 1607—1609 гг. его оклад резко вырос — до 550 четвертей³⁷. 6 декабря 1610 г. Венедикт Хомутов в королевском лагере под Смоленском был назначен в воеводы в Орешек³⁸. По грамоте «царя» Владислава (выданной, вероятно, зимой 1610/11 г.) за Хомутовым числился оклад уже в 700 четвертей³⁹. Хомутов известен в феврале 1611 г. как второй воевода Орешка и товарищ князя А.Т. Ростовского. 20 февраля 1611 г. он получил письмо от Якова Делагарди⁴⁰. Он был одним из руководителей сопротивления Орешка шведским войскам в 1611—1612 гг. 30 января 1612 г. новгородские власти отняли у Хомутова поместье: *«и то у него поместье взято и отдано Ивану и Петру Барановым, за то что он, Венедикт, сидел в осаде в Орешке»*⁴¹. Однако после сдачи Орешка новая новгородская власть давала ему важные воеводские назначения. В феврале 1614 г. в Новгороде распространился слух, что Венедикт Хомутов привел из Швеции в Новгород вспомогательный отряд в 2000 литовских людей⁴², но уже в августе его поместье в Дудоровском погосте снова было названо среди изменничьих; и хлеб с него был отписан на государя⁴³. В документах октября 1614 г. указано, что *«Венедикт государю королевичу изменил, отъехал к московским людям»*⁴⁴. Он погиб к июню 1615 г.⁴⁵

Под Иосифо-Волоколамским монастырем был взят в плен Мурат Пересветов, (Murat Pereswietok), получивший 6 июня 1610 г. вместе с другими русскими детьми боярскими 80 флоринов от короля⁴⁶. Он происходил из ростовских служилых людей, но значительная часть его жизни связана с Новгородом. Неизвестно о его судьбе в 1611—1612 гг., но летом 1613 г. Мурат Пересветов проявился в войсках князя С.В. Прозоровского. Они шли из Москвы к Пскову, но свернули на Новгород и соединились с восставшим против шведов тихвинским гарнизоном. История противостояния под Тихвином лета — ранней осени 1613 г. сохранила имя лишь одного человека, отъехавшего из московских полков на сторону шведов. Это и был ростовец Мурат Пересветов. В 1615 г. ранее Пасхи он был среди первых новгородцев, пригнущих Густаву Адольфу. В 1617 г. он ушел со шведами за границу и дал основание продолжающемуся до наших дней шведскому байорскому роду Пересветовых-Мурат (Peresvetoff-Morath)⁴⁷.

Если говорить о других людях, связанных с Новгородом и получивших королевские пожалования, то следует упомянуть Андрея Палицына, родственника известного троицкого келаря, деятеля тушинского лагеря. 18 ноября 1610 г. участник подмосковного посольства к королю А.Ф. Палицын получил от короля чин стряпчего с платьем⁴⁸. Король пожаловал Палицыну его родное село Тисва, к юго-востоку от озера Ильмень⁴⁹. Но уже вскоре он едет в подмосковные полки и активно борется с королевскими войсками. Летом 1611 г. А.Ф. Палицын оказался в Троице, а 23 августа 1611 г. пожаловал Троице-Сергиеву монастырю село Тисву — «свою выслуженную вотчину», оставляя за собой право пожизненного владения ею. Пожалованное ему королем имение располагалась смежно с монастырским

селем Сытино. В его данной завещается устроить в монастыре корм 20 марта и поминать «инока Саватею, инока Ферапонта, Марью, Анну, Фотинию, Авксентия, Петра, Петра, Ивана убиенного»⁵⁰. Было бы интересно установить, кто из рода Палицыных скрывается под этими монашескими именами. В это время Новгород и Новгородская земля контролировались правительством князя И.Н. Большого Одоевского и генерала Я. Деллагарди, и реализовать это пожалование стало возможно только после Столбовского мира 1617 г.

С воцарением Романовых Андрей Палицын становится видным казачьим командиром. Осенью 1613 г. его казаки совершили рейд в Литву, захватив городки Улу и Овсей⁵¹. Зимой 1613/14 г. он просидел в осаде в Рамышевском острожке, сковав крупные шведские силы, получив впоследствии беспрецедентные пожалования от царя Михаила.

Еще один новгородец, бывший зимой в королевском лагере — это Лев Плещеев, сподвижник Ивана Салтыкова. Плещеев, происходивший из новгородских детей боярских, резко возвысился в Смуту. Если в сентябре 1592 г. он упоминался как живущий в деревне, видимо, малолетний сын боярский Бежецкой пятины⁵², то уже в 1604 г. он в чине жильца служил в войске, посланном на первого Самозванца, с окладом в 250 четвертей⁵³. Видимо, с этой службы началось его стремительное карьерное восхождение. Через два года, в 1606–1607 гг., он уже стольник царя Василия Шуйского⁵⁴, но вскоре обосновался в стане тушинцев, где получил чин кравчего⁵⁵. Одним из первых, в составе приехавшего из Тушина посольства М.Г. Салтыкова⁵⁶, Лев Плещеев оказался в королевском лагере. 30 марта 1610 г. он назван кравчим, то есть чином, полученным у Тушинского вора. Король пожаловал *«Крайчему Льву Офонасьевичу Плещееву на отчизну и поместья его, а в них: в Новгородском уезде в Бежецкой пятине дворцовая волостка Липенская и рядок Боровичи с кабаком и с тамгою и с перевозом, село Осечня с деревнями, а в них в живущем триста четвертей...»*⁵⁷. Липенский Котлован, Боровичи, дворцовая Осеченская волость — крупные земельные владения Бежецкой пятины. В конце XVI в. поблизости от них, в сельце Михайлова Нива, жил молодой Лев Плещеев, несомненно, сам подсказавший в королевской канцелярии вожделенные доходные земли. 21 сентября 1610 г. Л. Плещееву среди других тушинцев было возвращено имущество в Москве⁵⁸. Когда в 1610 г. Иван Салтыков шел к Новгороду, в помощь ему с ратными людьми из Бежецкой пятины около 11 октября 1610 г. явился Лев Плещеев⁵⁹. 18 ноября 1610 г. он получил из новгородского винного погреба 5 ведер горячего вина⁶⁰.

23 января 1611 г. в королевском лагере Льву Плещееву установили оклад в 1200 чети 150 рублей денег из четверти⁶¹. У «царя» Владислава он получил чин оружничего. Его брат, новгородец Бежецкой пятины, Иван Афанасьевич Плещеев в начале сентября 1611 г. подал в Москве челобитную на имя царя Владислава о поместье князя Александра Тимофеевича Ростовского, скончавшегося в 1610/11 г. в Новгороде⁶². Вскоре он бил челом также о поместье в Ярославском уезде. В челобитной И.А. Плещеев указал, что после того, как его брат Лев отправился в посольство под Смоленск, сам Иван был арестован и находился в тюрьме вплоть до присяги новгородцев царю Владиславу Сигизмундовичу. Вскоре после этого И.А. Плещеев уехал в Москву и сидел в осаде вместе с войсками Гонсевского⁶³. А Лев Плещеев уже в сентябре 1611 г. служил воеводой в Муроме, будучи назначен туда руководством Подмосковного ополчения, с сохранением чина кравчего⁶⁴. В 1613 г. мы встречаем его уже в Москве — он был одним из десяти стольников, шедших перед царем Михаилом в день венчания на царство. Позднее Лев Плещеев находился на разных придворных и воеводских службах.

Примечательно, что эти два выходца из Новгорода, Андрей Палицын и Лев Плещеев, достигшие возможных высот карьеры, не только совместно побывали сперва в тушинском,

а потом в королевском лагере, но и позднее выбрали единственно правильную, как показало время, стратегию: примкнули к Подмосковному ополчению и позднее были особо отмечены первым правительством царя Михаила (до возвращения Филарета из плена).

Сплошное изучение биографий служилых людей Новгорода Великого начала XVII в. позволяет выявить заметное число лиц, побывавших в королевском лагере, обратившихся с челобитными к королю. Действительность этих пожалований была подвергнута сомнению еще в 1914 г. И.С. Беляевым⁶⁵. Однако выборочное сопоставление пожалований Сигизмунда и деятельности новгородского поместного приказа показывает, что в ряде случаев королевские дачи выполнялись.

«Польский след» в Новгороде начала XVII в. практически не изучен. Неудобные для идеологии позднейших правительств эпизоды в биографиях деятелей 1611—1617 гг. почти не отразились в источниках. Но опыт пребывания под Смоленском видных новгородских деятелей этого времени нужно иметь в виду, рассматривая ход их позднейших карьер, как в 1611—1617 гг., так и после возвращения Новгорода под власть московских государей. При этом мы можем только гадать о том, что именно из польской культуры начала XVII в. было воспринято современниками-новгородцами. Доказательных примеров здесь мало, они лежат либо в области политики (рассмотренные еще В.О. Ключевским, а недавно — Б.Н. Флорей избрание королевича Владислава московскими чинами летом 1610 г.), либо в области бытовой культуры⁶⁶. И. Граля в популярной работе вскользь наметил этот «польский след» русской Смуты⁶⁷. Не секрет, консенсус в Москве весны — лета 1613 г. был обеспечен за счет отказа от сведения счетов, фактического прощения прежней связи, прежде всего, с поляками и Тушиным. До возвращения Филарета из ссылки близ двора нового царя Михаила утвердились его родственники, многие из которых были его товарищами по «кремлевскому сидению». Они и были отстранены Филаретом в 1619 г. В той же степени «польский след» (а не «шведский») ставил клеймо на карьерах новгородцев. Видимо, именно с этим связана и слабая изученность вопроса, вынесенного в заглавие настоящей статьи.

Примечания

¹ Подробнее: *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

² *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. Т. 1. М., 2003. С. 96.

³ *Рабинович Я.Н.* Личности Смутного времени. Андрей Федорович Палицын // Известия Саратовского государственного университета. 2009. Т. 9. Сер. История, Международные отношения, вып. 2. С. 70—83.

⁴ *Цветаев Д.* Царь Василий Шуйский и место погребения его в Польше. Т. 2. Приложения к историческому исследованию. Варшава, 1902. С. V—X.

⁵ Там же. С. XII.

⁶ Реестр челобитий королю Сигизмунду от русских людей о вотчинах и поместьях. (Под Смоленском. 1610) // *Сухотин Л.М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610—1611 гг. М., 1911. С. 115; Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский престол. 1610—1612 // Акты Западной России. СПб., 1851. Т. 4. С. 340—341. № 167.

⁷ Именная роспись московским послам, отправленным к польскому королю Сигизмунду для приглашения сына его, королевича Владислава на Московский престол. 1610, сентябрь // Акты Западной России. СПб., 1851. Т. 4. С. 318—319.

⁸ *Цветаев Д.* Царь Василий Шуйский... С. VIII.

⁹ Там же.

¹⁰ Жалованные и другие грамоты... № 736. С. 401. Село Подгощи располагалось в Коростынском погосте Шелонской пятины, неподалеку от южного берега Ильменя; сельцо Скорыни — возможно, село и погост Коростынь.

¹¹ Расписка Богдана Дубровского в получении им денег на дорогу в Москву. 1612. 27.09 // Svenska Riksarkiv, Ockupationsarkivet från Novgorod (далее — RA, NOA). Serie 2: 288. Л. 1.

¹² *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616 г.). Юрьев, 1913. С. 70.

¹³ *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 112—113.

¹⁴ Там же. С. 108—109.

¹⁵ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 379.

¹⁶ *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII века. СПб., 1868. Т. 3. С. 292—293.

¹⁷ *Видекинд Юхан.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 266.

¹⁸ Дело о выделении С.И. Скрыпицыным и подьячим Дм. Елисеевым государева хлеба в порховских дворцовых селах. 1613.11.07—16.09 // RA, NOA. Serie 2:50. Л. 32 об.

¹⁹ Отписка псковских воевод кн. И.Ф. Троекурова с товарищами в Посольский приказ о переговорах с К.К. Юлленгельмом об отдаче Гдова и о запросе последнего о возможной службе уволенных из шведской армии ратных людей Московскому государству. 1618, декабря после 18 // РГАДА. Ф. 96. 1619. Д. 1. Л. 46—48.

²⁰ Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1975. Т. 2, ч. 1—2. С. 382.

²¹ *Дубовик В.* Самозванцы. «Сыновья» Шуйского и их судьба // Родина. 2005. № 11. С. 32.

²² Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 114; *Павлов А.П.* Основные тенденции изменения состава Боярской Думы в годы царствования Михаила Федоровича (1613—1645) // Российская государственность. Историческая динамика. Ижевск, 2001. С. 83; Правящая элита Русского государства. IX — начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006. С. 318.

²³ Разъяснение шведских послов о статьях, которые 27 октября были переданы русским участникам переговоров, боярам и советникам: Алексею Никитичу Трубецкому, Григорию Гавриловичу Пушкину, Богдану Миничу Дубровскому и секретарям Назарию Ивановичу Чистому, Михаилу Дмитриевичу Волошенину. 1647.31.10 // Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. М., 1981. Ч. 1. С. 168—183.

²⁴ Жалованные и другие грамоты... С. 341. № 168.

²⁵ Списки детей боярских, новокрещеных татар всех пятин, торопчан, холмичей, невлян, пусторжевцев, приехавших в Новгород для встречи датского королевича. 1602, авг. // СПБИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 38. Л. 24.

²⁶ Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов. М.-Л., 1938. С. 393.

²⁷ Полюбовная челобитная Матвея Большого Львова, Никифора и Ивана Колычовых, Степана Пустошкина и Федора Харламова о разделе ими пожалованного им поместья изменника Федора Рясницына. 1610/11 // RA, NOA, Serie 1:41. Фрагм. 3; Отдел губным старостой Федором Вельяминовым Матвеем Семенову Большому Львову изменничьего поместья Федора Рясницына в Турском погосте Шелонской пятины и остатка этого же поместья — Никифору Олферьеву сыну и Ивану Степанову сыну Колычевым, Степану Андрееву сыну Пустошкину и Федору Семенову сыну Харламову. 1611.5.01 // RA, NOA. Serie 1:41. С. 149—156.

²⁸ Приговор новгородского митрополита Исидора, воеводы кн. Ивана Никитича Большого Одоевского и земских чинов об отпуске в Стокгольм Юрьевского архимандрита Никандра с уполномоченными для предложения Российского престола одному из шведских принцев. 1611.25.12 // Дополнения к Актам историческим. Т. 1. СПб., 1846. № 162. С. 283—285.

- ²⁹ Челобитная Матвея Большого Семенова сына Львова Якову Делагарди на прежнего югостицкого воеводу Воина Новокщенова в том, что тот не оставил ему наказа и на Богдана Ододурова в том, что тот несправедливо обвиняет его в посылке немецких людей грабить поместье Дмитрия Зеленина. 1612, после 23.01 // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 73.
- ³⁰ Челобитная (отписка) Матвея Большого Львова боярам и воеводам с просьбой разрешить идти из Югостиц в Старую Русу не через Пшагу, а через Новгород и отправить дворян, не явившихся к Львову и живущих в Новгороде собирать корма в новопрписных погостах. 1612. 9.02 (?) // RA, NOA. Serie 2:73. Л. 139–140.
- ³¹ Память новгородских бояр Матфею Семенову сыну Львову о боевых действиях против литовских людей. 1612, март // RA, NOA. Serie 2: 75. Л. 15.
- ³² Дело о выделении С.И. Скрыпицыным и подьячим Дм. Елисеевым государева хлеба в порховских дворцовых селах. 1613. 11.07–16.09 // RA, NOA. Serie 2:50.
- ³³ Поручная запись по Никите Федорове сыне Супоневе. 1615. 14.04 // RA, NOA. Serie 2: 22. Л. 8.
- ³⁴ *Селин А.А.* Новгородские судьбы Смутного времени. Вел. Новгород, 2009. С. 112–126.
- ³⁵ Грамота из Посольского приказа к ивангородскому воеводе кн. В.И. Ростовскому. 1599.20.08 // Отправка в Ругодив гостя Тимофея Выходца с просьбой, чтобы шведы дозволили в находящемся там храме св. Николая отправлять службу по греческому закону. Черный указы о посылке в Ругодив хлеба. 1599.22.02 // РГАДА. Ф. 96. 1599. Д. 1. Л. 14.
- ³⁶ Десятня Водской пятины 1605 года // Известия Российского генеалогического общества. 1911. № 4. С. 489.
- ³⁷ Дело по челобитью о поместье кн. Ивана Васильева сына Кропоткина. 1614, октября // RA, NOA. Serie 2: 186. Л. 76–82.
- ³⁸ Жалованные и другие грамоты... С. 394. № 681.
- ³⁹ Дело по челобитью о поместье кн. Ивана Васильева сына Кропоткина. 1614, окт. // RA, NOA. Serie 2: 186. Л. 76–82.
- ⁴⁰ *Кордт В. А.* Из семейного архива графов Делагарди. Юрьев, 1894. С. 12.
- ⁴¹ Дело по челобитью о поместье кн. Ивана Васильева Кропоткина. 1614, окт. // RA, NOA. Serie 2: 186. Л. 76–82; Отдельные книги поместья Ивану Григорьеву сыну Боранову в Воскресенском Лученском и Дмитриевском Капецком погостах Обонежской пятины и отписные книги остатка поместья Венедикта Хомутова на государя. 1612.30.01 // RA, NOA. Serie 1: 24. С. 1.6–12.
- ⁴² Отписка псковских воевод кн. Ивана Хованского с товарищами о расспросе ими приведенных из посылки языков — немецких людей о свейских делах и о количестве войска в Новгороде с Яковом Пунтусовым. 1614, февраля после 24 // Акты Московского государства. 1890. Т. 1. С. 102.
- ⁴³ Отписные и выдельные книги хлеба в изменничьих поместьях в погостах Дудоровском, Ижерском, Дмитриевском Кипенском, Суйдовском, Вздылицком, Орлинском, Дягиленском Петра Ермолича Хомутова. 1614. 14.08 // RA, NOA. Serie 1: 49. С. 6.
- ⁴⁴ Дело по челобитью о поместье кн. Ивана Васильева сына Кропоткина. 1614, окт. // RA, NOA. Serie 2: 186. Л. 76–82.
- ⁴⁵ *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies, vol. 14). Stockholm, 1982. P. 39.
- ⁴⁶ *Цветаев Д.* Царь Василий Шуйский... С. VII. Дословно: «et socys, missis cum iuramento fidelitatis a Magna Nowogardia». Благодарю К.А. Богданова за перевод этого фрагмента.
- ⁴⁷ *Линд Дж. Х.* Ингерманландские «русские бояре» в Швеции. Их социальные и генеалогические корни. М., 2000; Подробнее: *Пересветов-Мурат А.И.* Из Ростова в Ингерманландию: М.А. Пересветов и другие байюг'ы // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 366–376.
- ⁴⁸ Грамота Польского Короля Сигизмунда III о пожаловании Андрея Палицына чином стряпчего. 1610, ноября 17 // Сборник государственных грамот и договоров (далее — СГГД). Ч. 2. СПб., 1819. № 212. С. 464; Боярский список 1610/11 г. // *Сторожев В.Н.* Материалы для истории русского дворянства

// Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1909. Кн. 3. С. 84.

⁴⁹ Жалованные и другие грамоты... № 538. С. 380.

⁵⁰ Кириченко Л. А. Акты землевладения и хозяйства Троице-Сергиева монастыря. 1584–1641. М., 2006. С. 38, 55, сн. 143; С. 179. № 109.

⁵¹ Рабинович Я.Н. Личности Смутного времени... С. 85.

⁵² Обыск Ждана Неплюева, губного старосты Степана Александрова и подьячего Данила Соловецкого в Никольском Молдинском погосте в Филине слободке о помещичьей пашне в Михайловском погосте в Костве. 1592.10.09 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 17139. Л. 65–71; Обыск Ждана Неплюева, губного старосты Степана Александрова и подьячего Данила Соловецкого в Никольском погосте в Поддубье в Еванове о помещичьей пашне в Никольском погосте в Молдине в Филиной слободке. 1592.15.09 // РГАДА. Ф. 1209. Д. 17139. Л. 78–85 об.

⁵³ Роспись русского войска, посланного против Самозванца в 1604 г. // Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 366–420.

⁵⁴ Боярский список 1606–1607 гг. // Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 291–302).

⁵⁵ Письмо кравчего Льва Плещеева гетману Я.П. Сапеге о высылке пана Шулиницкого из пожалованной ему Самозванцем вотчины в Суздальском уезде. 1608/09 // Акты исторические. Т. 2. СПб., 1842. № 125. С. 150–151; Тюменцев И.О. Смута в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 546.

⁵⁶ Новый летописец... С. 338.

⁵⁷ Жалованные и другие грамоты.... № 46. Стб. 325.

⁵⁸ Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства... С. 478.

⁵⁹ Два донесения польскому королю Сигизмунду III и сыну его Владиславу Сигизмундовичу от боярина Ивана Салтыкова из Новгорода: о всех происшествиях, случившихся с ним по вступлении в Новгородскую область для приведения жителей к присяге королевичу Владиславу; о бывшей близ Пскова битве между Просовецким и Лисовским, с прошением о выводе всех королевских войск из утвержденных в верности тамошних областей, неприятельски поляками разоряемых и утесняемых; о приведении им новгородцев к присяге на верность королевичу, об отправлении ратных людей во Псков, Ивангород, Яму, Копорье и Орешек для принуждения жителей тех городов к равномерной покорности и о скорой присылке в Польшу собранных с тамошнего края денег. 1610.17.11 // СГГД. Т. 2. 1819. № 209 и 210. С. 452–463.

⁶⁰ Сборник памятей на Новгородский винный погреб о выдаче вина // RA, NOA. Serie 2: 124. Л. 34.

⁶¹ Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. М., 1977. С. 118–119.

⁶² [Дело по челобитной Ивана Плещеева о поместье кн. Александра Тимофеевича Ростовского в Бежецкой пятине. 1611, сентября 6–25] // Сухотин Л.М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. 92–93.

⁶³ Дело по челобитной Ивана Плещеева о поместье в Ярославском уезде // Сухотин Л.М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. 93–95.

⁶⁴ Роспись городов, в которые посланы грамоты к воеводам о сборе шуб для ратных людей. 1611.5.09 // Смутное время Московского государства. Вып. 5. Акты Подмосковных ополчений и земского собора. 1611–1613. № 23. С. 29–30.

⁶⁵ Беляев И.С. По поводу одного из источников Смутного времени. О пожаловании «деревнишек» // Старина и новизна. 1914. Т. 17. С. 45–56.

⁶⁶ Мне приходилось ранее писать, как ограбивший свадебный поезд в январе 1610 г. новгородец Увар Борков кричал по-литовски: «Хапай-хапай! Рубай-рубай!» (Селин А.А. Об одной сельской свадьбе при царе Василии Шуйском // Мифология и повседневность. Вып. 2. Мат. науч. конф., 24–26 февраля 1999 г. СПб., 1999. С. 186–197).

⁶⁷ Граля И. Код Речи Посполитой // Родина. 2005. № 11. С. 45–49.